

В. И. Экземплярский

**Библейское и святоотеческое
учение о сущности
священства**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
В11

В11 **В. И. Экземплярский**
Библейское и святоотеческое учение о сущности священства / В. И. Экзем-
плярский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 296 с.

ISBN 978-5-458-42944-3

ISBN 978-5-458-42944-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

стигнуть чрезъ то, что во главу угла положилъ ученіе о вѣчномъ первосвященствѣ въ Церкви Христа Спасителя и соотвѣтственно этому священниковъ Церкви разсматривалъ какъ продолжателей или, точнѣе, видимыхъ представителей въ Церкви этой всегда дѣйствующей въ ней силы первосвященническаго ходатайства Христа. Подобно этому и ученіе объ іерархіи въ ея отношеніи къ паствѣ участь въ предлагаемомъ сочиненіи новую постановку, когда авторъ исходитъ изъ библейско-церковнаго ученія о священническомъ достоинствѣ всѣхъ истинно вѣрующихъ по силѣ ихъ неразрывнаго единенія съ Главою Церкви, первосвященнической родъ Котораго составляютъ, по слову святыхъ отцовъ, всѣ члены Церкви. До настоящаго времени ученіе Церкви о духовномъ священствѣ всѣхъ истинно вѣрующихъ не входило въ курсы нашего догматическаго богословія. Авторъ не беретъ на себя смѣлости рѣшить вопросъ, почему такъ случилось, но не можетъ все же не высказать предположенія, что въ данномъ случаѣ имѣло большее, а можетъ быть и рѣшающее значеніе злоупотребленіе этимъ ученіемъ въ протестантскомъ богословіи, благодаря какому злоупотребленію самый терминъ „всесвященство христіанъ“ сталъ обозначать въ протестантскомъ богословіи нѣчто болѣе, чѣмъ собственно онъ въ себѣ заключаетъ, именно ложную мысль объ излишествѣ іерархіи въ Церкви. Въ виду такого, надо думать, положенія дѣла, въ православно-богословскомъ ученіи объ іерархическомъ служеніи большею частію не раскрывается предварительно ученіе Церкви о священническомъ достоинствѣ всѣхъ ея членовъ, хотя такое ученіе всегда принималось Православною Церковію и нашло себѣ выраженіе въ ея символическихъ книгахъ („Православномъ Исповѣданіи“). Авторъ думаетъ однако, что молчаніе объ этомъ предметѣ въ системахъ догматическаго богословія нежелательно въ виду того, что духовно-священническое достоинство христіанъ есть высокій даръ Божественной во Христѣ благодати,

молчаніе о которомъ въ системѣ догматическаго богословія, особенно когда идетъ подробная рѣчь объ іерархическомъ священствѣ, не соотвѣтствуетъ ни важности предмета, ни дѣйствительнымъ интересамъ науки. Автору кажется, напротивъ, что говорить объ іерархическомъ достоинствѣ пастырей Церкви всего удобнѣе въ связи и по сравненію съ этимъ именно достоинствомъ христіанъ, когда всего яснѣе и опредѣленнѣе можетъ выясниться то существенное различіе, какое существуетъ въ Церкви по дару Божественной благодати между духовнымъ и іерархическимъ священствомъ, имѣющими одинъ общій неизсякаемый источникъ своей жизни въ первосвященствѣ Христа Спасителя. При такой постановкѣ дѣла, когда на основаніи источниковъ христіанскаго ученія будетъ научно выяснено различіе по существу между священническимъ достоинствомъ пастыря и пасомага, само собою падаетъ заблужденіе въ ученіи о священствѣ протестантскаго богословія и ученіе Церкви можетъ быть изложено во всей полнотѣ и отчетливости.—Наконецъ, мы сказали, что въ догматическомъ богословіи всегда возможны и законны попытки освѣтить, на основаніи ученія Церкви, нѣкоторые частные вопросы, еще не разрѣшенные авторитетомъ вселенской Церкви со всею опредѣленностію въ томъ или другомъ смыслѣ. Авторъ настоящаго сочиненія попытался затронуть и посильно разрѣшить одинъ изъ такихъ вопросовъ, именно—вопросъ о неизгладимости благодати священства. Этотъ вопросъ еще не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ въ нашемъ богословіи, но въ ученіи отцовъ и церковныхъ соборовъ находятся данныя для его разрѣшенія. Авторъ предлагаетъ попытку подобнаго рода и не скрываетъ чувства своего личнаго большого удовлетворенія отъ того, что послѣ знакомства съ данными, имѣющимися въ церковномъ ученіи по этому вопросу, онъ (авторъ) пришѣлъ къ выводу о неизгладимости благодати священства. Чувство удовлетворенія, которое пережилъ авторъ, зависѣло главнымъ обра-

зомъ отъ того громаднаго значенія для практической жизни Церкви, какое можетъ имѣть подобное рѣшеніе вопроса, когда даже іерархія еретическихъ обществъ можетъ быть признана, по присоединеніи къ Церкви и при наличности нѣкоторыхъ условий, дѣйствительною, по силѣ своей неразрывной преемственной связи съ апостольствомъ Церкви.

Авторъ считаетъ нелишнимъ еще отмѣтить, что для своего сочиненія онъ не ставилъ специально апологетической задачи. Вслѣдствіе этого онъ всюду избѣгалъ прямой полемики и если иногда дѣлаетъ указанія на инославныя ученія, то главнымъ образомъ для того, чтобы точнѣе объяснить смыслъ православнаго ученія по извѣстному вопросу. При такой постановкѣ дѣла заблужденія инославнаго богословія были опровергаемы авторитетнымъ ученіемъ Церкви и помимо прямой полемики съ протестантскимъ богословіемъ. По этимъ же соображеніямъ авторъ почти совершенно избѣгаетъ эгзегетическаго разбора приводимыхъ имъ мѣстъ Св. Писанія, дѣлая лишь указанія, относящіяся къ уясненію смысла извѣстнаго мѣста по контексту рѣчи. Избѣгать подробнаго эгзегезиса побудила автора, главнымъ образомъ боязнь загроздить сочиненіе полемическимъ элементомъ. Мѣсто Св. Писанія и святоотеческой письменности, приводимыя авторомъ и относящіяся къ ученію объ іерархіи отличаются, вообще, полною ясностію. Необходимость подробнаго эгзегезиса подобныхъ мѣстъ могла быть вызываема только перетолкованіемъ ихъ протестантскими богословами, которые прибѣгли къ такому приему въ виду явнаго несогласія древне-христіанскаго ученія съ основными началами ихъ исповѣданія. Но если бы авторъ поставилъ своею задачею сдѣлать основательный разборъ протестантскихъ воззрѣній на предметъ и соотвѣтствующихъ имъ толкованій Св. Писанія и писаній святыхъ отцовъ, то онъ по необходимости долженъ былъ бы имѣть гораздо больше дѣла съ западнымъ богословіемъ различныхъ школъ и направленій, чѣмъ съ древне-церковною

письменностію. Авторъ предпочелъ заняться исключительно послѣдней, не отрицая при этомъ, конечно, важности и интереса для нашего богословія разбора протестантскихъ заблужденій въ пониманіи древне-церковнаго ученія, но не чувствуя лично склонности къ этому и считая важнѣйшимъ пока раскрытіе положительнаго христіанскаго ученія о сущности священства. При этомъ авторъ думаетъ, что при такой постановкѣ дѣла не пострадали научные интересы, такъ какъ безспорно и съ научной точки зрѣнія истинный смыслъ извѣстнаго мѣста Св. Писанія лучше всего доказывается согласнымъ пониманіемъ его представителями древней учащей Церкви, ближайшей по времени къ апостольскому вѣку.

Введение.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ грѣхопаденія прародителей было удаленіе ихъ изъ рая и прекращеніе того живого общенія съ Богомъ, которымъ они наслаждались во время блаженной райской жизни. „*Кое причастіе правды къ беззаконію? или кое общеніе свѣту ко тмѣ?*“¹⁾ Грѣхъ перваго Адама, а въ немъ и всего человѣчества, создалъ то средостѣніе, которое отдалило человѣка отъ Бога—Творца его и его высочайшаго Первообраза, отдѣлило небо отъ земли. По одну сторону этого средостѣнія находится всесовершенный Создатель, обладающій всею полнотою жизни; по другую—согрѣшившее твореніе, слабый и безпомощный человѣкъ. Но оскорбленный Законодатель въ то же время есть и Отецъ нашъ; а грѣховный человѣкъ—не только твореніе, но и сынъ Божественной любви, образъ Божій и Его подобіе. Это чувство родства Безконечнаго и конечнаго духа не могло быть уничтожено и самымъ грѣхомъ: Богъ не могъ забыть человѣка, котораго Самъ восхотѣлъ; человѣкъ не могъ не стремиться къ своему Первообразу: „О Ты, Который превыше всего!... Тебѣ воздаеть честь все и одаренное и неодаренное разумомъ. Къ тебѣ устремлены общія всѣхъ желанія; о Тебѣ болѣзнують всѣ сердца; Тебѣ все возсылаеть моленія... Къ Тебѣ все въ совокупности стремится. Ты конецъ всего“²⁾. ~~какъ~~

¹⁾ 2 Кор. VI, 14.

²⁾ Св. Григорій Богословъ, „Пѣснь Богу“. Творенія въ русскомъ переводѣ, т. 6 стр. 5.

ни бесконечно далеко небо отъ земли, но съ высоты неба слышенъ на землѣ голосъ, призывающій человѣка и вѣщающій ему: „ты Мой“¹⁾; какъ ни глубоко палъ человѣкъ, какъ ни притупились его духовныя чувства, но онъ не можетъ не слышать этого любовнаго голоса и не отвѣтить Ему: „Господь мой и Богъ мой“²⁾).

На этомъ родствѣ Бога и человѣка утверждается возможность религіи, которая въ основѣ своей и есть именно взаимоотношеніе Бога и человѣка. Правда, живое непосредственное общеніе съ Богомъ, подобное райскому, сдѣлалось невозможнымъ для падшаго человѣка, но не прекратилось окончательно. Фактъ всеобщности религіи ясно говоритъ объ этой коренной потребности нашего духа, а Божественное Откровеніе человѣку свидѣтельствуетъ о возможности дѣйствительнаго осуществленія этой потребности. Существенное отличіе отношенія Бога къ падшему человѣку не въ томъ, что Господь меньше любитъ его, а въ томъ, что непосредственное отношеніе къ Богу человѣка замѣняется посредственнымъ, и этими посредствами, черезъ которыя осуществляется вѣчное стремленіе наше къ Богу, являются въ исторіи рода человѣческаго молитва и жертва³⁾. Истинно богоугодный характеръ онѣ могли, конечно, имѣть только въ религіи Богооткровенной, какою была въ Ветхомъ Завѣтѣ религія избраннаго народа. Но тѣмъ не менѣе молитва и жертва существовали и у языческихъ народовъ, во всѣхъ сколько-нибудь развитыхъ религіяхъ всего міра, что подтверждается какъ Библіей, такъ и исторіей естественныхъ религій. Въ этихъ послѣд-

1) Исх. XLIII, 1.

2) Геттингеръ, „Апологія христіанства“, ч. 1 стр. 264.

3) Нельзя при этомъ не отмѣтить той неразрывной связи, какая существуетъ между молитвой и жертвой. Первая есть истинная жертва, потому что въ молитвѣ всего себя человѣкъ предаетъ Богу; равнымъ образомъ и жертва, если только она не утратила свой истинный характеръ, всегда сопровождается также возношеніемъ къ небу ума и

нихъ жертвы служили, не смотря на ихъ ложный характеръ, съ одной стороны, нагляднымъ выраженіемъ самаго стремленія человѣка къ общенію съ Богомъ; а съ другой, — являлись средствами, хотя и мнимыми, къ достиженію этого общенія¹⁾. Мы не будемъ доказывать всеобщности молитвъ и жертвъ, такъ какъ это отвлекло бы насъ нѣсколько въ сторону отъ прямого пути къ рѣшенію нашей задачи; нѣкоторое подтвержденіе этому мы представимъ при обзорѣни жреческихъ учрежденій языческаго міра. Эти жреческія учрежденія и должны составить ближайшій предметъ нашего вниманія. Если мы до сихъ поръ и оставались на вопросѣ объ основномъ значеніи жертвъ въ религіи, то потому именно, что съ жертвою находится въ неразрывной, хотя и не вполне понятной на первый взглядъ, связи самое жреческое служеніе—священство, понимаемое въ широкомъ значеніи этого слова. Связь эта столь велика, что мы, на основаніи свидѣтельствъ исторіи, рѣшительно не можемъ представить себѣ священства, или жречества безъ представленія о жертвѣ и о священникѣ, какъ жертвоприносителѣ. Мы назвали эту связь между жертвою и священникомъ трудно объяснимою на первый взглядъ. И въ самомъ дѣлѣ: и жертва и молитва являются достояніемъ того лица, которое чрезъ ихъ посредство стремится достигнуть общенія съ Богомъ. Казалось бы, что здѣсь нѣтъ мѣста постороннему участію. Между тѣмъ мы видимъ, что, кромѣ молитвы и жертвы, существуютъ

сердца жертвоприносителя. Несомнѣнно, что въ религіяхъ естественныхъ, и даже въ религіи истинной, далеко не всегда наблюдается въ дѣйствительности такая связь жертвы съ молитвой, въ виду нерѣдкаго преобладанія внѣшняго Богопочтенія предъ внутреннимъ, среди исповѣдниковъ истинной религіи, и полного извращенія отношеній человѣка къ Богу въ религіяхъ естественныхъ. Но по существу все же молитва и жертва являются единымъ, и назначеніе ихъ одно: служить средствами къ общенію человѣка съ Богомъ.

¹⁾ Ср. 1 Кор. X, 18—20.

еще вмѣстѣ и неразрывно съ ними жрецы, какъ посредники между Богомъ и вѣрующими, такъ какъ только при ихъ участіи признаются дѣйствительными самыя жертвы, а иногда и молитвы. Какой смыслъ можетъ имѣть подобное явленіе? Легко было бы объяснить его словами: „суетвѣріе“ и „предразсудокъ“, если бы оно встрѣчалось въ исторіи, какъ единичный и исключительный фактъ; но дѣло въ томъ, что исторія говоритъ иное: она свидѣтельствуесть,—и мы ниже представимъ этому подтвержденіе,—что во всѣхъ исторически извѣстныхъ и развитыхъ религіяхъ на ряду съ жертвой существуетъ и особое жреческое служеніе. Мы не въ правѣ упускать изъ виду столь общій и замѣчательный фактъ. Заблужденіе всегда есть явленіе исключительное, и наоборотъ: явленіе, имѣющее всеобщее значеніе, заставляетъ предполагать, что въ основѣ его лежитъ нѣчто истинное, какимъ бы извращеніямъ оно ни подвергалось въ дѣйствительности. Съ этой именно точки зрѣнія для насъ имѣетъ извѣстное значеніе при выясненіи вопроса о сущности священства и языческое жречество. При всей уродливости формъ, въ какихъ являются жертва и жречество въ естественныхъ религіяхъ, мы и въ этихъ формахъ можемъ примѣтить зерно истины. Сдѣлать это мы и постараемся теперь при посредствѣ данныхъ, представляемыхъ намъ Библіей и исторіей религій; и естественно, прежде всего остановимся на свидѣтельствѣ Библии по интересующему насъ вопросу.

Въ первыхъ же главахъ св. книгъ мы встрѣчаемъ подтвержденіе той высказанной нами мысли, что человѣкъ не можетъ жить безъ общенія съ Богомъ—разумѣемъ повѣствованіе Библии о жертвоприношеніяхъ *въ патриархальный періодъ*. Мы находимъ весьма достаточно указаній на жертвоприношенія этого времени¹⁾. Согласно сказанному,

¹⁾ Напр. Быт. IV, 3—4; VIII, 20; XII, 7; XXII, 13; XXVI, 25; XXXI, 54; XXXIII, 20; XXXV, 7 и др.

насъ интересуеъ вопросъ о совершителяхъ подобныхъ жертвоприношеній.—Вначалѣ мы видимъ, что жертвы приносились каждымъ въ отдѣльности—примѣръ Каина и Авеля. Затѣмъ, совершителями жертвоприношеній являются родоначальники, главы семействъ. Доказательство этому мы видимъ въ жертвоприношеніяхъ, совершенныхъ патриархами Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ¹⁾; при этомъ не видно, чтобы жертвы приносились самостоятельно и младшими членами семьи, хотя извѣстное участіе въ жертвоприношеніяхъ они несомнѣнно принимали²⁾). Изъ представленныхъ библейскихъ данныхъ мы можемъ сдѣлать только тотъ выводъ, что уже въ самыя раннія времена исторіи человѣчества преимущественными приносителями жертвъ были главы семействъ. Въ этомъ случаѣ родоначальники выступаютъ какъ посредники между Богомъ и своимъ родомъ. И вполне понятно, почему было именно такъ. При умноженіи извѣстной семьи, необходимъ былъ порядокъ въ совершеніи богослуженія, существенною частью котораго были именно жертвоприношенія. И естественно, что принесеніе послѣднихъ совершалось представителями рода—главами семействъ. Дѣло въ томъ, что жертва всегда была въ собственномъ смыслѣ жертвой Богу изъ имущества жертвоприносителя, а распоряжаться послѣднимъ, скорѣе всего, могъ глава семьи. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, религиозные обряды во всѣ времена имѣли особенно важное значеніе въ жизни вѣрующихъ, и совершеніе ихъ поэтому удобнѣе всего могло принадлежать родоначальникамъ, какъ лицамъ, пользовавшимся въ древности наибольшимъ уваженіемъ и авторитетомъ; въ патриархальный періодъ мы видимъ въ лицѣ старѣйшихъ, наиболѣе уважаемыхъ членовъ семьи посредниковъ между Богомъ и осталь-

¹⁾ См. вышеуказанныя мѣста.

²⁾ Нар. Быт. XXXI, 54.

ными вѣрующими. Эта идея посредства лежитъ безспорно въ основѣ всякаго священнослуженія; но въ патріархальный періодъ это посредство не имѣло характера іерархическаго священства въ собственномъ смыслѣ: оно основывалось на правѣ естественномъ, именно на правѣ первородства или старшинства въ семьѣ. Никакого указанія не встрѣчаемъ мы на то, чтобы право приносить жертвы было предоставлено Божією заповѣдію только подобнымъ лицамъ; тѣмъ болѣе нѣтъ и намека на особое посвященіе первоначальныхъ жертвоприносителей.

Обращаемся теперь къ языческимъ религіямъ. Первоначально, безъ сомнѣнія, и въ нихъ мы должны встрѣчать подобное же естественное посредство въ отношеніи къ божеству. Но замѣчательно, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ естественныхъ религій эта идея необходимости подобнаго посредства не затерялась, но напротивъ, среди самыхъ разнообразныхъ религіозныхъ ученій сохранилась съ удивительною опредѣленностью и во многихъ изъ нихъ достигаетъ значительнаго развитія. Вотъ краткое подтвержденіе сказанному.

О существованіи развитого жречества въ *Египтъ* извѣстно достаточно. Есть данныя, что первоначально жрецами были правители области; и впослѣдствіи жреческаго званія удостоивались лица высшей аристократіи. На ряду съ такими „жрецами добровольцами“ существовалъ съ древнѣйшихъ временъ и особый классъ постоянныхъ жрецовъ, значеніе которыхъ постепенно возрастало и которые, наконецъ, вытѣснили „добровольцевъ“ и сами начали занимать ихъ мѣста на свѣтской службѣ. Званіе этихъ жрецовъ въ общемъ было наследственнымъ, но безъ строго кастоваго характера. Дѣлились жрецы по рангамъ и классамъ обязанностей. Исключительнымъ правомъ ихъ и вмѣстѣ обязанностью было совершеніе жертвоприношеній и вообще служеніе общественному культу, какъ то: заботы